

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-1-23-57
EDN XNYFRV

**Горький разочарованный:
от романтики революции к пессимизму обыденности**

Михаил Михайлович Голубков

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва
m.golubkov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-6006>

Аннотация. Статья посвящена сложному периоду в творческой и идейной эволюции М. Горького, который приходится на вторую половину 1900-х годов. После поражения революции 1905–1907 годов романтико-революционные настроения относительно перспектив русской жизни обнаруживают свою иллюзорность, и Горький остро на это реагирует. Он отказывается от реализации замысла романа «Сын», продолжения романа «Мать», и обнаруживает в русской жизни совсем другие типы: это уже не Ниловна, не Павел Власов с его сторонниками и друзьями, но декадентствующий поэт Смертяшкин, герой цикла «Русские сказки», или же персонажи цикла «Жалобы». Этот цикл рассказывает о встрече автобиографического героя Горького в первой эмиграции (1906–1913) с людьми, представляющими самые разные типы русской жизни, выброшенные революцией за границу: бывший офицер, мелкий купец, затевавший свое маленькое дело в Италии, жандармский пристав, изливающий в беседе с адвокатом свою безысходную тоску. В статье показано, что повесть «Лето» была своеобразной переоценкой романтической революционности романа «Мать», в ней исследуются причины пассивности, охватившей сознание людей и сделавшей их обывателями. В результате Горький приходит к пессимистическим взглядам на русскую действительность после поражения первой русской революции, отразившейся в цикле «Русские сказки», особенно в рассказе «Страсти-мордасти». Обращение к циклам «Русские сказки» и «Жалобы» обнаруживает причины, по которым замысел романа «Сын» не мог реализоваться. Подобные настроения, отразившиеся в творчестве Горького этого периода, прямо соотносятся со скептицизмом в отношении результатов революции 1917 года, выразившиеся в публицистическом цикле «Несвоевременные мысли».

Ключевые слова: Горький; «Русские сказки»; «Жалобы»; Смертяшкин; «Страсти-Мордасти»; повесть «Лето»; сборник «Вехи»; роман «Мать»; замысел романа «Сын»

© Голубков М. М., 2025

Для цитирования: Голубков М. М. Горький разочарованный: от романтики революции к пессимизму обыденности // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 1 (23). С. 57-72. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-57>. <https://elibrary.ru/XNYFRV>.

PHILOLOGY

Original article

Gorky disappointed: from the romantic revolution to pessimistic everyday life

Mikhail M. Golubkov

Doctor of philology, professor, head of the department of history of contemporary russian literature and modern literary process, faculty of philology, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow
m.golubkov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-6006>

Abstract. The article focuses on a complex period in M. Gorky's creative and ideological evolution in the second half of the 1900s. After the defeat of the 1905-1907 revolution, romantic revolutionary sentiments about the prospects of Russian life reveal their illusory nature, and Gorky's reaction to this is acute. He refuses to realize the idea of the novel *Son*, the continuation of the novel *Mother*, and finds quite different characters in Russian life: it is no longer Nilovna, not Pavel Vlasov with his supporters and friends, but the decadent poet Smertyashkin, the hero of the cycle *Russian Fairy Tales*, or the characters of the cycle *Complaints*. This cycle describes the meeting of Gorky's autobiographical hero in the first emigration (1906-1913) with people representing very different types of Russian life, thrown abroad by the revolution: a former officer, a minor merchant, starting his small business in Italy, a gendarme bailiff, pouring out his hopeless sadness in a conversation with the lawyer. The article shows that the story *Summer* was a kind of reassessment of romantic revolutionism in the novel *Mother*, it examines the reasons for people's passive consciousness which made them philistines. As a result, Gorky comes to pessimistic views about Russian reality after the defeat of the first Russian revolution, reflected in the cycle *Russian Fairy Tales*, especially in the story *Strasti-Mordasti*. Addressing the cycles *Russian Fairy Tales* and *Complaints*, the author of the article finds the reasons why the idea of the novel *Son* could not be realized. Such sentiments reflected in Gorky's work of this period, correlate directly with skepticism about the results of the 1917 revolution, expressed in the journalistic cycle *Untimely Thoughts*.

Key words: Gorky; *Russian Fairy Tales*; *Complaints*; Smertyashkin; *Strasty-Mordasty*; the story *Summer*; the collection *Milestones*; the novel *Mother*; the idea of the novel *Son*

For citation: Golubkov M. M. Gorky disappointed: from the romantic revolution to pessimistic everyday life. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 1(23): 57-72. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-57>. <https://elibrary.ru/XNYFRV>.

Введение

Роман Максима Горького «Мать» может показаться современному читателю книгой скучной, неинтересной и неактуальной. Предметом изображения в ней, в первую очередь, оказывается пространство в рабочей среде социалистических революционных идей. Писатель ставит вопрос о том, насколько они органичны для рабочего, близки ли ему, могут ли они обогатить личность и поднять ее над рутинной повседневной быта типичной фабричной слободки.

Для современного читателя такая проблематика представляется весьма тенденциозной, а разрешение конфликта между миром капитала, который обеспечивается всей мощью государства (полицией, солдатами, судами), и рабочей средой непременно в пользу революционности кажется надуманным и вовсе не очевидным: дистанция в 120 лет, которая лежит между нами и временем создания романа, предопределяет коренное отличие нашего исторического опыта от того, которым располагало общество в начале прошлого века. Революционные и постреволюционные события показали, что коренная ломка национальной жизни ведет к чудовищным социальным катаклизмам, что революции губительны для национальной культурной традиции. Эволюция, а не революция представляется в свете исторического опыта наиболее естественной формой государственного, социального, культурного развития.

Исторический опыт, которым владеет современный читатель, во многом сформирован литературой, которая в советское время находилась под цензурным запретом и бытовала в эмиграции или вообще не была известна. Это произведения М. Булгакова, Е. Замятина, А. Платонова, Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Солженицына... Они находятся в

очевидном противоречии с концепцией революции, предложенной М. Горьким, и ставят под сомнение революцию как форму преобразования социальной действительности, отрицают революционное насилие, якобы оправданное высшей социальной необходимостью. Такое насилие позже, уже в 1918 году, осудил и Горький в цикле статей «Несвоевременные мысли».

Но все эти произведения были созданы позже, когда две революции 1917 года, Гражданская война, коллективизация, ликвидация кулачества как класса, прочие социальные преобразования 1920-1930-х годов пополнили опыт национальной жизни. Впрочем, и революция 1905–1907 годов, которую большевики называли генеральной репетицией Октября, уже вполне наглядно обнаружила перспективы революционного слома.

Сборник «Вехи» (1909) был первой книгой, призывающий к отрезвлению после революционного опьянения: 1905 год показал, что возможна новая пугачевщина, она будет куда страшнее той, что потрясла основы монархии полтора века тому назад. Написанная замечательными философами-публицистами начала XX века, такими как С. Франк, П. Струве, С. Булгаков, М. Гершензон и др., эта книга показывает катастрофичность революционного пути, она осмысляет трагические уроки 1905 года. Как писал П. Струве, во всех русских революциях, «... неспособных противопоставить что-либо исторической государственности и о нее разбившихся», будь то «... движение, связанное с именем Стеньки Разина, стоившее множества жертв, бессмысленно жестокое, совершено “воровское” по своим приемам», или же пугачевщина, которая «не представляет ничего нового, принципиально отличного от смуты 1598 – 1613 гг. и от

разинщины» [Струве, 1910, с. 156], не было той опасности, которую несла в себе революция 1905 года. По мысли философа, «после путчевщины и до этой революции все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России. Такой характер совершенно явственно присущ офицерской революции декабристов... Только в той революции, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась с народной – впервые в русской истории в таком смысле и в такой форме» [Струве, 1910, с. 164–165].

Однако В. И. Ленин, категорически не принявший «Вехи», увидел в романе «Мать» революционно-прикладной смысл, и с этой прагматической точки зрения горячо его одобрил, назвав «очень своевременной книгой»: «книга – нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают “Мать” с большой пользой для себя» [М. Горький, 1974, т. 20, с. 9]. Об этом эпизоде мы узнаем от самого Горького значительно позже, из очерка «В. И. Ленин», написанного после смерти вождя. Этот разговор состоялся в 1907 году, во время встречи Горького с Лениным на Лондонском съезде РСДРП. Удивительно, что художник, приобретший к тому времени мировую известность, высшую похвалу видел именно в таком соприкосновении «интеллигентской» и «народной» мысли. Он хотел быть проводником революционных идей в рабочую среду.

От романтики к разочарованию

Роман «Мать» был написан Горьким в 1906 году, когда исход революции 1905–1907 годов еще не был ясен. Однако уже буквально через год стала очевидна обреченность революционной деятельности на текущем этапе русской

истории. Революционный подъем сменился социальным пессимизмом, равнодушием к общественной жизни. Романтическое мироощущение в литературе, подобное тому, что воплощено в романе «Мать», уступает место декадансу, упадку, разложению... Героем этого времени становится, скорее, Передонов, герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», а не Ниловна. Прощаясь с революционными романтическими иллюзиями, общество погружалось в настроения декаданта. Его блестяще выразил в пародийном образе поэта Смертяшкина из «Русских сказок» сам Горький:

В жизни мы – как будто на вокзале
Пред отъездом в темный мир загробный...

Чем вы меньше чемоданов взяли,
Тем для вас и легче, и удобней!

Будем жить бессмысленно и просто!
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!

Служит Смерть для жизни машинистом!..

[М. Горький, 1971, т. 12, с. 182]

Образ Смертяшкина задает тематику и проблематику цикла. Это остроумная и злая пародия на декадана, искусство, поэтизирующее смерть, упадок, разложение, на декадана с его мотивами заигрывания со смертью, с его мистицизмом и глубоким пессимизмом в отношении к любым социальным и политическим вопросам. Образ Смертяшкина отрицает высокую идею Человека, наиболее драгоценную для гуманиста Горького. Настроения декаданта после поражения Первой русской революции, действительно, потеснили романтическую приподнятость предреволюционной литературы, и Горький воспринимал это едва ли не трагически.

Гуманизм Горького последователен и непреложен. Ницшеанский монолог Сатина («На дне») может стать своеобразным манифестом Горького: «Человек – вот правда! <...> Это – огромно! В этом – все начала и концы... Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Че-ло-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Человечество!» [Горький, 1970, с. 177]. Никакой высшей силы, стоящей над человеком, Горький не видел, полагая в идеальном, совершенном, прекрасном человеке смысл существования Вселенной и уж по крайней мере – всей истории человечества. Здесь, однако, писатель приходил к противоречию, не заметить которого не мог и проигнорировать которое никак не получалось. Имея образ идеального человека, Горький никак не находил его воплощения в реальности, что вылилось в замечательной афористичной фразе: «В наши дни ужасно много людей, только нет человека» [Басинский, 2008, с. 370]. Поэтому его принятие революции, ГУЛАГА, идея «перековки» старого человека в нового были связаны с гуманистической идеей искомого совершенного человека, созидание которого и было, по его мысли, целью всех революционных преобразований [Голубков, 1918]. Сентиментальность, о которой пишут все мемуаристы, органическая неспособность принять насилие, что показывают хотя бы «Несвоевременные мысли», парадоксальным образом сочетались в его мировоззрении с надеждой на появление нового, подлинного Человека.

Что такое гуманизм в Горьковском понимании? Говоря просто, это утверждение идеального человека, которого в философской картине мира можно поставить на место Бога. Человека слабого, несовершенного, подверженного множеству болезней, противоречивого в своих желаниях и устремлениях. Вот тут-то и

скрывалось то самое противоречие, заставляющее Горького тщетно искать Человека в сонмище людей. И если ему удавалось это хотя бы отчасти в дореволюционную эпоху («На дне», «Мать»), то между двумя революциями в качестве главной фигуры русской жизни выходил, увы, Смертяшкин. Недаром редактор журнала, которому он приносит свои стихи о желанной и сладостной смерти, замечает: «Это, знаете, не плохо, а главное – очень в тон настроению времени, очень! М-да, вот вы, пожалуй, и нашли себя. Ну-с, продолжайте в том же духе... Шестнадцать копеек строка... Поздравляю!» [Горький, 1971, т. 12, с. 175]. И через несколько строк писатель обосновывает своевременность поэзии Смертяшкина: «А один юноша – очень хороший юноша, мучительно искавший смысла жизни, – прочитал эти стихи и застрелился. Он, видите ли, был уверен, что автор стихов, прежде чем отвергнуть жизнь, искал смысла в ней так же долго и мучительно, как искал сам он, юноша, и он не знал, что эти мрачные мысли продаются по шестнадцать копеек строка. Серьезный был!» [Горький, 1971, т. 12, с. 175].

Грустная авторская ирония направлена Горьким на настроения молодого поколения, ушедшего в мистицизм, оккультизм, поиски романтики разложения и тления.

Когда у Смертяшкина выходит книга «Некрологи желаний», критики благожелательно отмечают «могильность настроений автора»:

Чу, смерть стучит рукою честной
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.
[Горький, 1971, т. 12, с. 179]

Смертяшкин женится, венчание устраивается в кладбищенской церкви, вместо кареты новобрачные используют

катафалк, а детей скоро неожиданно появившихся качают вместо люлек в маленьких гробиках. Стихи свои Смертяшкин предпочитает шептать в ухо будущему скелету возлюбленной.

Многие негативные стороны русской жизни подвергаются злой сатире в духе Салтыкова-Щедрина: это и национальный вопрос, который пытается решить некий господин, находящийся в поисках своего национального лица; тому же служат и евреи, которые жили в некотором царстве и оказывались весьма необходимы и прочих государственных надобностей» [Горький, 1971, т. 12, с. 201]. В мире «Русских сказок» есть газета «Туда-сюда», город Мямлин, а также «Общество всесторонней утилизации выеденных яиц», состоящее под высоким давлением трех епископов и жандармского генерала, которое заседает раз в год по особому разрешению из Петербурга. Салтыков-Щедрин, прочитай он «Русские сказки», понял бы, что у него есть ярчайший последователь. Но для Горького сатира в духе Щедрина была лишь одним из направлений, притом далеко не самым важным.

Самое важное направление было связано для Горького с изучением русского национального характера в переломный момент истории. В цикле «По Руси» он воссоздает характеры и ситуации, поражающие своей безысходностью. Один из них – «Зрители», рассказывающие о безразличии толпы к гибели мальчика-сироты, которому лошадь раздробила железной подковой ногу. Один из самых страшных рассказов цикла «Страсти-мордасти» тоже оставляет читателя в состоянии безнадежности. Чудовищное существование женщины с провалившимся носом, больной сифилисом, и ее парализованного сына (он не может ходить), а главное – полная безысходность их жизни обнаруживается в итоговой

реакции повествователя. Покидая их чудовищное жилище, герой слышит песню женщины, которая и дала название рассказа:

Придут Страсти – Мордасти,
Приведут с собой Напасти;
Приведут они Напасти,
Изорвут сердце на части!
Ой беда, ой беда!
Куда спрячемся? Куда?

«Я быстро пошел со двора, скрипя зубами, чтобы не зареветь»
[Горький, 1972, с. 533].

Нет, Горький был весьма далек от идеализации русской жизни. Он показывает ее со всех сторон: и в красоте, и в безобразии, в тех самых «фокусных прыжках из одного положения в другое» («В людях»), в которых осмыслял характер современного ему русского человека.

Эту особенность Горького воспринимать мир и русскую жизнь на контрастных ее состояниях очень точно отметил Корней Чуковский в своей книге «Две души Максима Горького». По мысли критика, писатель видит в русском народе два сосуществующих начала: с одной стороны, европейское, связанное с деятельным преобразованием мира, в том числе революционным путем, представленное в романе «Мать», в «Сказках об Италии»; с другой стороны, азиатское, бездеятельное, рутинное, косное, тянущее из революции в болото. «В своей знаменитой статье “Две души” Горький клеймит восточную, азиатскую душу за то, что восточной душе не ведом пафос деяния, чуждо счастье строительства и творчества, и какие он расточает хвалы западной, европейской душе за то, что она – душа-хлопотунья, душа-созидательница!» [Чуковский, 2010, с. 28]. Можно сказать, что переход от революционной восторженности романа «Мать» к пессимизму «Русский сказок»

есть переход от одной души, европейской, к другой, азиатской, какие видел в русском народе автор статьи «Две души» и какие сам же в себе и нес, по мнению автора брошюры «Две души Максима Горького».

Две души

За участие в революции 1905 года Горький подвергся политическому преследованию и уехал в эмиграцию, сначала в Европу, затем в США. Позже он переезжает на итальянский остров Капри, где и живет до своего возвращения в 1913 году в Россию в связи с объявленной по случаю трехсотлетия Дома Романовых амнистии.

Но не все русское общество разделяло настроения Передонова или Смертяшкина. Напротив, после революции 1905 года наступает период относительной стабилизации, социальной и экономической. Укрепляется государство, восстанавливается промышленность. Вся работа правительства во главе с премьер-министром П. А. Столыпиным была направлена на подавление революции и искоренение ее причин как объективных (в первую очередь, земельный вопрос), так и субъективных (существование революционных партий). Благодаря этому Россия получила десятилетнюю передышку от революций и смогла значительно укрепить свое экономическое и социальное положение, придя к Первой мировой войне державой значительно более сильной, чем была во время русско-японской войны 1904 года. Если бы не смерть П. А. Столыпина от пули убийцы-provokatora Богрова в Киеве в 1913 году, история России могла бы сложиться иначе, без вступления в войну в августе 1914 года и без последующих революций в 1917 году. Подобная концепция нашла глубокое художественное воплощение в эпосе

А. И. Солженицына «Красное Колесо», в ее первом узле «Август Четырнадцатого» [Солженицын, 1993].

Отнюдь не все воспринимали созидательную деятельность правительства столь позитивно. Столыпин подавлял революцию во имя созидания Отечества, требовал для этого гражданского мира и внутренней стабильности; революционеры, напротив, раскачивали и дестабилизировали страну, искренне полагая революцию единственным способом решения социальных проблем. За Столыпиным закрепилось имя вешателя, раздающего направо и налево «стольпинские галстуки». Значение политического противоборства революционеров и государственников объясняет блестящая фраза Столыпина-оратора, ставшая афоризмом: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия» [Столыпин, 2014], – бросил он в лицо своим революционно настроенным политическим оппонентам из Второй Государственной Думы во время обсуждения одного из аспектов земельного вопроса в мае 1907 года.

Горький пребывал в лагере прямо противоположном правительственному. Революцию он многократно называл святым делом, к революционерам относился как к соли земли, а в Столыпине видел тирана и палача. Особенно ярко это проявилось в его отношении к такому явлению, как provokatory и provokatsiya, природа которой в принципе противоречила благородству революционной борьбы [Голубков, 2021]. Ослабление революционного движения считал делом временным, а на Капри, сблизившись с А. А. Богдановым, одним из теоретиков Пролеткульта, стал видеть в пролетариате новую мессию, в социализме – новую религию [Ревакина, 2000]. Отрезвление ему еще только предстояло пережить. Оно в полной мере выразится в цикле статей «Несвое-

временные мысли» (1917–1918). Пока же Горький остро переживает спад революционных настроений, пытается осмыслить его причины и результаты [Спиридонова, 2004].

Роман «Мать» мыслился писателем как дилогия, второй частью которого должен был стать роман «Сын» (другие варианты названия – «Герой» или «Павел Власов»). Его сюжетом стала бы жизнь Павла Власова в ссылке, побег из нее и активное участие в первой русской революции. Попыткой воплотить этот замысел стали повесть «Лето», рассказы «Романтик» и «Мордвинка» и цикл «Жалобы».

Повесть «Лето» была опубликована в 1909 году, сначала в Берлине, затем в Петербурге. Импульсом для работы над повестью стало почти случайное событие: осенью 1908 года, находясь на Капри, Горький получает по почте дневник крестьянина-пропагандиста с просьбой распорядиться с ним так, как писатель сочтет нужным. Дневник произвел на Горького большое впечатление, он пытался списаться с его составителем, но выяснил, что тот умер в результате несчастного случая – попал под лошадь. Документальные события жизни партийного пропагандиста и легли в основу повести «Лето».

Одним из главных мотивов повести становится разочарование в перспективах революционного движения, ощущение исчерпанности его потенциала. С этого мотива и начинается повесть: «... не туда народ повернул силу свою... были же силы, были! Но увязли ноги по колена в земле, и – все встало, рассеялось, всосалось обратно в нее». И рядом – сомнения в русском крестьянстве, в его способности довести дело революционной борьбы до конца: «сожрал мужичок Великую революцию во Франции! Я про это ничего не знаю, не читы-

вал, ну а верю, я могу это понять – он сожрет!» [Горький, 1971, т. 9].

Удивительно, но описывая образ совсем другого времени, образ эпохи стагнации и социального пессимизма, как он ее воспринимал, Горький все равно остается оптимистом относительно революционных перспектив, и проявляется это вопреки сюжетному развитию повести. Читатель, проследивший до конца драматические хитросплетения отношений революционеров и охранки, застанет повествователя идущим вместе с другими агитаторами под конвоем в городскую тюрьму на следствие и суд. Но и в этой ситуации, отнюдь не благоприятной, ему видится перспектива непрерывно растущего человека – будь то солдат или революционер-пропагандист. Потому что правда революционного преобразования жизни в перспективе равно видна и конвоиру, и подконвойному: «И уже нет между нами солдат и арестантов, а просто идут семеро русских людей, и хоть не забываю я, что ведет эта дорога в тюрьму, но, вспоминая прожитое мною этим счастливым летом и ранее, хорошо, светло горит мое сердце, и хочется мне кричать во все стороны сквозь снежную тяжелую муть: “С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!”» [Горький, 1971, т. 9, с. 513]. Под воскресением мыслится грядущая русская революция, от реалий которой Горький отшатнется через восемь лет. И здесь вновь проявляется способность Горького воспринимать национальную жизнь в самых контрастных, полярных ее явлениях. «Беспощадно правдивое изображение российской жизни, разоблачение социального зла всегда соседствовало в творчестве Горького с восторженным гимном свободе и героической личности» [Спиридонова, 2013, с. 319]. Вот они, те самые две души, о которых писал Корней Чуковский!

Нельзя, однако, не видеть дистанции между конвоиром и арестантом. Горький ее прекрасно видит, и для него это противоречие между замыслом «Сына» и нынешней исторической ситуацией, когда страна сосредотачивается под руководством Столыпина, а революционные настроения ушли в прошлое, к радости одной части общества, к грусти и социальной апатии другой. Писатель не может этого не ощущать: в рассказе «Мордвинка» он пародирует эпизод из «Матери», когда герои радуются нарастанию революционной борьбы в других странах. Эта ситуация дана глазами Ниловы: она в какой-то момент осознает, как расширяется среда, формирующая характеры, до масштабов воистину глобальных. В «Мордовке» ситуация прямо противоположная. Пьяный тесть Павла Макова, главного героя, разрывающегося между пошлостью семейной жизни и общением с товарищами по революционной работе, выпив за обедом первую рюмку и явно юродствуя, осведомляется:

– Ну, а как в Германии? (...) Слава те господи! (...) А я уж беспокоиться стал – все ли, мол, в порядке, у немцев-то? (...) Стало быть – все превосходно в Германии? А – в кармане? [Горький, 1970, т.8, с. 399].

И далее он выдает суждение, подчеркивающее всю революционную идеологию и обнаруживающее невозможность воплощения замысла романа «Сын»:

– Нет, вы не о Германии, а о кармане помечтайте, я вас прошу! Женились – так уж вы о кармане, пожалуйста, да-а! Уж если дети посыпались – устройте для них прочное отечество, а оно – на кармане, на тугом, строится, да, да! [Горький, 1970, т. 8, с. 399].

И все как-то в это время поворачивается совсем другой стороной, чем в «Матери». Отсутствие у Павла Власова любимой объясняется революционным ас-

кетизмом героя, который отдает всего себя революционной работе; в рассказе «Романтик» влюбленный в девушку-пропагандиста герой получает жесткий отказ и осознает всю пропасть, которая лежит между ним и снизошедшей до рабочей среды интеллигентной барышней. И симпатии автора на стороне отвергнутого, простого и необразованного человека из народа, в чем проявляется «азиатская» душа писателя, если вспомнить дихотомию Корнея Чуковского. «Не замечательно ли, – спрашивает Чуковский, – что Горький, такой ярый поклонник Европы, проповедник западной культуры, не умеет написать ни строки из быта образованных культурных людей! Единственно доступный ему мир – мелкое мещанство, гольтьба. Чуть только дело коснется Европы, европеизованных нравов европеизованной интеллигентской среды, Горький как художник становится беден и беспомощен. Его рассказы об Италии напыщенны и вялы» [Чуковский, 2010, с. 70].

Обаяние Европы

Здесь вряд ли можно согласиться с Корнеем Чуковским. «Сказки об Италии» представляют собой яркие и красочные образы итальянской жизни, уличные зарисовки, забавные ситуации, в которых выявляется национальный характер итальянцев, как он виделся Горькому: веселый и жизнерадостный народ, искренний и открытый в своих симпатиях, трудолюбивый и честный. Итальянская жизнь выступала для Горького как отдушина, как дурман, и идеализированная, подсвеченная жарким итальянским солнцем и яркими красками писателя, как бы противопоставлялась серым будням русского безвременья, как воспринимал завершающее десятилетие Николая II Горький, явно не видя всех тех позитивных изменений, которые внесли в русскую жизнь реформы

П. Столыпина, В. Плеве, С. Витте. Россия уверенно шла по пути решения аграрного вопроса, по пути ускоренной индустриализации, отдвигая от себя совсем еще недавние перспективы революционной ломки общественной и государственной жизни. Это-то и внушало Горькому пессимистические взгляды, потому что до конца жизни он оставался сторонником революции, видя в подпольщиках людей, посвящавших свои жизни ради святого дела революционной борьбы.

Итак, Горький в эмиграции. Политические преследования за поддержку революции 1905 года заставляют его уехать в Америку, потом он перебирается в Европу, в Италию, чуть позже на Капри. Средиземноморское солнце, яркое голубое небо, фантастическая природа ослепляют писателя и как бы обещают передышку после разочарований в революционных иллюзиях. В первом же очерке «Сказок» встречаем такой пейзаж: «С моря тянет легкий бриз, огромные пальмы городского сада тихо качают всерами темно-зеленых ветвей, стволы их странно подобны неуклюжим ногам чудовищных слонов. Мальчишки – полуголые дети неаполитанских улиц – скачут, точно воробьи, наполняя воздух звонкими криками и смехом. Город, похожий на старую гравюру, щедро облит жарким солнцем и весь поет, как орган; синие волны залива бьют в камень набережной, вторя ропоту и крикам гулками ударами, – точно бубен гудит» [Горький, 1971, т. 12, с. 9].

Сам очерк посвящен забастовке вагоновожатых и кондукторов трамваев, и его сюжет, связанный с изменением настроения людей, терпящих неудобство от отсутствия транспорта, как будто даже опровергает революционные представления Горького. Поначалу радостное возбуждение забастовщиков контрастирует с недовольством неаполитанцев,

которым надо ехать по делам во все концы огромного города. Перебранка между ними заканчивается в тот момент, когда появляются штрейкбрехеры. Это солдаты, которым приказано занять место бастующих вагоновожатых, и тогда движение восстановится. И в тот момент, когда толпа рассерженных забастовкой людей готова занять первый вагон, происходит совсем непредвиденное: «стало видно, что в двух шагах от его колес, поперек рельс, лежит, сняв фуражку с седой головы, вагоновожатый, с лицом солдата, он лежит вверх грудью, и усы его грозно торчат в небо. Рядом с ним бросился на землю еще маленький, ловкий, как обезьянка, юноша, вслед за ним, не торопясь, опускаются на землю еще и еще люди...» [Горький, 1971, т. 12, с. 11]. Офицер, приведший солдат, отказывается что-либо предпринимать и лишь пожимает плечами: он должен заместить забастовщиков своими солдатами, но не бороться с ними. И когда в дело вступают карабинеры, пытаясь очистить путь, происходит единение недавних противников: те, кто только что собирался ехать по своим делам, ложатся рядом с забастовщиками на рельсы. Забастовка победила: «Через полчаса по всему Неаполю с визгом и скрипом мчались вагоны трамвая, на площадках стояли, весело ухмыляясь, победители, и вдоль вагонов ходили они же, вежливо спрашивая: – Билетти?! Люди, протягивая им красные и желтые бумажки, подмигивают, улыбаются, добродушно ворчат» [Горький, 1971, т. 12, с. 12].

О чем бы ни писал здесь Горький – о забастовке, о строительстве горного тоннеля, о солидарности рабочих Пармы и Генуи – люди всегда веселы, они подбодрены ярким солнцем и голубым небом, классовой солидарностью трудящихся, но самое главное – неиссякаемой верой в Человека, которая стала квазирелигией писателя. Люди в «Сказках об

Италии» побеждают природу, карабинеров, распри – и «идут навстречу новой жизни», а над ними «ярко сверкает солнце, творя сказки». Тогда Горький в первый раз ощутил на себе влияние Италии, буквально околдовавшей и упоившей его. Через четверть века французский писатель Ромен Роллан, близкий друг Горького так охарактеризует его отношения с Италией, сложившиеся в первую эмиграцию и никак не изменившиеся во вторую: «Он бежал в Неаполь, в Италию, такую прекрасною и такую ненужною, ставшую для него наркотиком, дурманом» [Роллан, 1989, с. 181].

Вероятно, дурман Италии был необходим Горькому: русская жизнь представлялась ему, скорее, в тонах, которыми исполнен цикл «Русские сказки». Одним из главных персонажей, задающих тематику и проблематику цикла, был поэт Смертяшкин. Это злая пародия на декаданс, искусство, поэтизирующее смерть, упадок, разложение... Настроения декаданса после поражения Первой русской революции, действительно, потеснили романтическую приподнятость предреволюционной литературы, и Горький воспринимал это едва ли не трагически.

На кого жалуется Горький?

Противоречие между революционным романтизмом, который пытается поддерживать в себе Горький, и реальностью уставшего от революции общества со всей остротой и болью проявляется в цикле «Жалобы».

Задуманный в 1907 году, воплощенный в 1909–1910 годах, он отражает как раз пессимистический взгляд на перспективы русской революции и обращен к негативным сторонам русского национального характера, вызывавшим его величайшие страдания. «Жалобы» построены очень сложно: первые критики даже отождествляли взгляды четырех повествователей цикла со взглядами са-

мого Горького. Эта ошибка происходила из неумения увидеть специфические способы выражения авторской позиции, неумения определить дистанцию между писателем и его повествователями.

Собеседниками автора оказываются самые разные типы русской жизни начала XX века, выброшенные волею судеб за границу: это и офицер, израненный во время русско-японской войны, и мелкий предприниматель из Дремова, который теперь в Генуе завел себе маленькое дельце по торговле иконами; и адвокат, рассказывающий о своих разговорах с жандармом; и полицейский урядник Крохолов, приходящий к повествователю с задушевными разговорами. Все жалобы этих персонажей – на русский народ, на его противоречивость, бессмысленную жестокость, столь же бессмысленную покорность, бездеятельность, бесперспективность. В действительности, все жалобы – отражение того пессимизма и общественного разочарования, которое охватило русское общество после подавления революции.

Безымянный офицер тоскует от того, что осознает страшную дистанцию, которая отделяет его от солдат его роты. Он не понимает их поступков, намерений, эмоций, его угнетает ощущение полного равнодушия перед делами жизни и даже смерти (солдат его роты, как казалось герою, «умирал деловито и спокойно...»). Разобщенность с народом, одетым в солдатские шинели, приводит безымянного офицера в отчаяние: «... я не закурил бы перед тем, как скомандовать в штыки. У меня нет спокойствия, необходимого для того, чтобы покурить перед смертью...» [Горький, 1971, т. 11, с. 16].

Глубоко русский человек, офицер страдает от того, что даже Родину они с солдатом понимают по-разному: «Он не чувствует России, русской земли, вот в чем суть! У русского мужика нет ощущения России – вы это понимаете? ...

Весь русский народ – нигилист! Резко? Верно-с! Он ни во что не верит» [Горький, 1971, т. 11, с. 8].

Он не может понять странного спокойствия солдата, уходящего на войну с точным ощущением того, что не вернется домой и дающего последние указания по хозяйству жене, провожающей его; странного равнодушия, с которыми он расстреливает китайца – «шпиёна», с которым недавно дружески разговаривал; не понимает своего вестового, дважды обокравшего командира и спасенного им от суда. Вся его жалоба, обращенная к повествователю, есть попытка найти ответы на неразрешимые вопросы, которые терзают его: «Надо что-то делать, государь мой... Как Вы думаете? Надо что-то сказать им... такое, что сдвинуло бы нас с этими людьми... Надо же понимать свой народ! И – чтобы он тоже понимал меня... А иначе нельзя жить... Право же, нельзя!...» [Горький, 1971, т. 11, с. 20].

Мы не увидим никакой оценки героя, которую бы дал ему повествователь: только лишь портрет, упоминание о ранениях, о неудобстве, которое доставляет ему штатский костюм. Но авторская позиция выражена в последней фразе очерка о нем: «Страшный народ... несчастный и страшный, знаете...

И качнул головою так, точно его мстительно ударила тяжелая невидимая рука» [Горький, 1971, т. 11, с. 24].

В цикле «Жалобы» Горький останавливается на характерах странных и несуразных, которые к тому же оказываются выбиты из привычных условий жизни отгремевшей только что революцией. Здесь и адвокат, который сводит странную дружбу с жандармом и дает ему выговориться, раскрыть свое понимание истории, разворачивающейся на его глазах. Здесь и бывший ремесленник, живущий в Италии и на плохом итальянском заказывающий себе «уну бутылку». Здесь и отягченный бременем вла-

сти урядник, из широкой груди которого повествователь наблюдает «кошмарное истечение нелепой русской тоски». Но все эти люди, совершенно разные по своему социальному положению, общественному статусу, уровню образованности и начитанности, парадоксально объединяются общим недоумением относительно характера русского народа и его исторических перспектив. Мало того, все они неожиданно противопоставляют себя и народ и задумываются над перспективой преодоления той пропасти, что обнаружилась между ними и народом. Каждый из них на своем уровне пытается осмыслить результаты первой русской революции и приходит к весьма неутешительным умозаключениям. В контексте тех лет герои «Жалоб» подключаются к проблематике сборника «Вехи», авторы которого на себя, на русскую интеллигенцию возлагают вину за трагические результаты случившегося: «... революция есть духовное детище интеллигенции, а, следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией» [Булгаков, 1910, с. 67]. Именно интеллигенция своим «хождением в народ», желанием передать ему грамоту и просвещение, одновременно передала идеи социализма, привела к нему «призрак коммунизма», который бродил по Европе уже более полувека и только в России нашел для себя плодородную почву.

Кажется, что к суждениям безымянного офицера, жандарма, адвоката могут присоединиться Гершензон, Иванов, Струве. Все авторы «Вех» трагически воспринимают разобщенность двух слоев русской нации. «Сказать, что народ нас не понимает и ненавидит, значит не все сказать. Может быть, он не понимает нас потому, что мы образованнее его? Может быть, ненавидит за то, что мы не работаем физически и живем в роскоши? Нет, он, главное, не видит в нас людей:

мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе...» – пишет М. Гершензон. По его мысли, до 1905 года это противостояние не было столь очевидным. «Мы даже не догадывались об этом. Мы были твердо уверены, что народ разнится от нас только степенью образованности... Что народная душа качественно другая – нам это и на ум не приходило» [Гершензон, 1910, с. 85]. Именно он острее всех ощущает трагизм и неизбежность конфликта и, что самое страшное, его неразрешимость. «Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы для него не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти...» [Гершензон, 1910, с. 89].

На своем, доступном им уровне, философы и герои «Жалоб», противопоставляя себя народу, ужасаясь его лицу, открывшемуся в русской революции. «...Теперь, когда народ показал нам себя, – поняли вы, что мы знаем эту Россию и этот русский народ лучше, чем вы?», – спрашивает жандармский офицер у адвоката. «Очень беспокойно в народе стало. <...> Раньше, до пятого года, поглядишь на человека – насквозь виден, а теперь – нет! Теперь он глаза прячет, и понять его трудненько...», – размышляет бывший ремесленник, теперь мелкий купец, пробуящий себя в торговле иконами в Италии. «Как – чего испугался? – удивляется он вопросу повествователя. – Все испугались, и причины для того были, когда окрест города мужичок, знаете, нахмурился и попер,

без разумения на все законные преграды...». «Я – чужой своим людям, – сетует офицер, не в силах понять причину разлада. – Мы – люди разных племен по духу, они – солдаты, я – их начальник, больше ничего. Я их не понимаю, они – меня, нам друг друга не жалко, мы – сказать правду – не любим и немножко боимся друг друга». Уже значительно позже, в 1933 году, Горький так осмыслял этот период своего творчества: «Лето», «Мордовка», «Романтик», «Сашка» («Легкий человек») можно считать набросками к «Сыну», и они показывают, что с «Сыном» я бы не сладил. Так-то» [Горький, 1970, т. 8, с. 448].

Заключение

«Люди пегие – хорошие и дурные вместе», – говорил Лев Толстой. «Естественное состояние человека – пестрота», – будто бы вторил ему Горький, пестроту эту, однако, трагически переживая. Истоком этих переживаний была продуманная и последовательно отстаиваемая гуманистическая система взглядов писателя. Когда мы говорим о гуманизме Горького, мы понимаем гуманизм не в обыденном, бытовом смысле этого слова, как доброту к людям, но как систему философских взглядов на мир, которая исключает наличие над человеком высшей силы. Гуманизм есть философская система, которая ставит человека на место Бога. Человека слабого, обреченного на болезни и смерти, несвободного от порока, от зла, человека несовершенного и противоречивого. Горький всю жизнь искал такого Человека. Но Горького, великого художника, не отпускала мысль о том, что поиски такого Человека обречены на провал. Тщетность его поисков, осознанная уже в середине первого десятилетия XX века, выразилась в блестящем афоризме писателя, который мы уже приводили в этой статье: «В наше время очень много людей, но совсем нет челове-

ка!» [Басинский, 2008, с. 370] И сколько ни искал он Человека, после поражения революции 1905–1907 годов, находил лишь людей, прекрасную портретную

галерею которых он оставил в повести «Лето», в рассказах «Романтик» и «Мордовка» и цикле «Жалобы». Но Человека среди них не было...

Библиографический список

1. Басинский П. В. Максим Горький: миф и биография. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2008. 560 с.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 5-е издание. Москва : Типография В. М. Саблина, 1910. С. 23-69.
3. Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Москва : Типография В. М. Саблина, 1910. С. 70-96.
4. Голубков М. М. Горький и Солженицын: в литературном пространстве юбилейного года // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1918. № 6. С. 141–153.
5. Голубков М. М. Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. Москва : Прометей, 2021. 334 с.
6. Корней Чуковский. Две души М. Горького. Москва : Русский путь, 2010. 112 с.
7. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 7. Москва : Наука, 1970. 687 с.
8. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 8. Москва : Наука, 1970. 604 с.
9. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 9. Москва : Наука, 1971. 644 с.
10. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 11. Москва : Наука, 1971. 614 с.
11. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 12. Москва : Наука, 1971. 623 с.
12. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 14. Москва : Наука, 1972. 630 с.
13. М. Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 20. Москва : Наука, 1974. 637 с.
14. Ревякина И. А. «...Смешно видеть себя причиной “драки”...» (Из переписки М. Горького с А. Богдановым 1903-1909 г.) // М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. Москва : Наследие, 2000. С. 13-94.
15. Роллан. Р. Московский дневник Ромена Роллана. // Вопросы литературы. 1989. №5. С. 190-246.
16. Солженицын А. И. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август четырнадцатого. Т. 2. Главы 65–69. Москва : Военное издательство, 1993. 549 с.
17. Спиридонова Л. А. М. Горький: новый взгляд. Москва : ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.
18. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. Москва : ИМЛИ РАН, 2013. 440 с.

19. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия (речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в государственной думе 10 мая 1907 года) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 105-113.

20. Струве П. Интеллигенция и революция. // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Москва : Типография В. М. Саблина, 1910. С. 156-174.

Reference list

1. Basinskij P. V. Maksim Gor'kij: Mif i biografija = Maksim Gorky: Myth and biography. Sankt-Peterburg : Vita Nova, 2008. 560 s.

2. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo (iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) = Heroism and asceticism (from reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia) // Vechi. Sbornik statej o russkoj intelligencii. 5-e izdanie. Moskva : Tipografija V. M. Sablina, 1910, S. 23-69.

3. Gershenzon M. Tvorcheskoe samosoznanie = Creative self-consciousness // Vechi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. Moskva : Tipografija V. M. Sablina, 1910. S. 70-96.

4. Golubkov M. M. Gor'kij i Solzhenitsyn: v literaturnom prostranstve jubilejnogo goda = Gorky and Solzhenitsyn: in the literary space of the jubilee year // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 1918. № 6. S. 141–153.

5. Golubkov M. M. Zachem nuzhna russkaja literatura? Iz zapisok universitetskogo slovesnika = Why is Russian literature necessary? From the notes of a university linguist. Moskva : Prometej, 2021. 334 s.

6. Kornej Chukovskij. Dve dushi M. Gor'kogo = M. Gorky's two souls. Moskva : Russkij put', 2010. 112 s.

7. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 7 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 7. Moskva : Nauka, 1970. 687 s.

8. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 8 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 8. Moskva : Nauka, 1970. 604 s.

9. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 9 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 9. Moskva : Nauka, 1971. 644 s.

10. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 11 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 11. Moskva : Nauka, 1971. 614 s.

11. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 12 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 12. Moskva : Nauka, 1971. 623 s.

12. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 14 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 14. Moskva : Nauka, 1972. 630 s.

13. M. Gor'kij. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 tomah. T. 20 = Complete works. Fiction works in 25 volumes. V. 20. Moskva : Nauka, 1974. 637 s.

14. Revjakina I. A. «...Smeshno videt' sebja prichinoj “draki”...» (Iz perepiski M. Gor'kogo s A. Bogdanovym 1903-1909 g.) = “...It is ridiculous to see myself as the cause of the ‘fight’...” (From M. Gorky's correspondence with A. Bogdanov, 1903-

Горький разочарованный: от романтики революции к пессимизму обыденности 71

1909) // М. Gor'kij. Neizdannaja perepiska s Bogdanovym, Leniny, Staliny, Zinov'evym, Kamenevym, Korolenko. Moskva : Nasledie, 2000. S. 13-94.

15. Rollan. R. Moskovskij dnevnik Romena Rollana = Romen Rollan's Moscow diary // Voprosy literatury. 1989. №5. S. 190-246.

16. Solzhenicyn A. I. Krasnoe Koleso. Povestvovanie v otmerennyh strokakh. Uzel I: Avgust chetyrnadcatogo. T. 2. Glavy 65–69 = Red Wheel. A narrative in measured time. Knot I: August of the Fourteenth. V. 2. Chapters 65-69. Moskva : Voennoe izdatel'stvo, 1993. 549 s.

17. Spiridonova L. A. M. Gor'kij: novyj vzgljad = M. Gorky: a new look. Moskva : IMLM RAN, 2004. 264 s.

18. Spiridonova L. A. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost' = The real Gorky: myths and reality. Moskva : IMLI RAN, 2013. 440 s.

19. Stolypin P. A. Nam nuzhna Velikaja Rossija (rech' ob ustrojstve byta krest'jan i o prave sobstvennosti, proiznesennaja v gosudarstvennoj dume 10 maja 1907 goda) = We need Great Russia (speech on the arrangement of peasants' life and the right of property, delivered in the State Duma on May 10, 1907) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2014. . № 4. S. 105-113.

20. Struve P. Intelligencija i revoljucija = Intelligentsia and revolution // Vehi: Sbornik statej o russoj intelligencii. Moskva : Tipografija V. M. Sablina, 1910. S. 156-174.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted on 12.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication on 21.02.2025